

Тюленьи штаны

С 1930-ых годов Эрик Линклейтер – один из наиболее популярных британских новеллистов-романистов. Он родился в 1899 году на Оркнейских островах – у северной оконечности шотландского побережья. Линклейтер сперва учился на

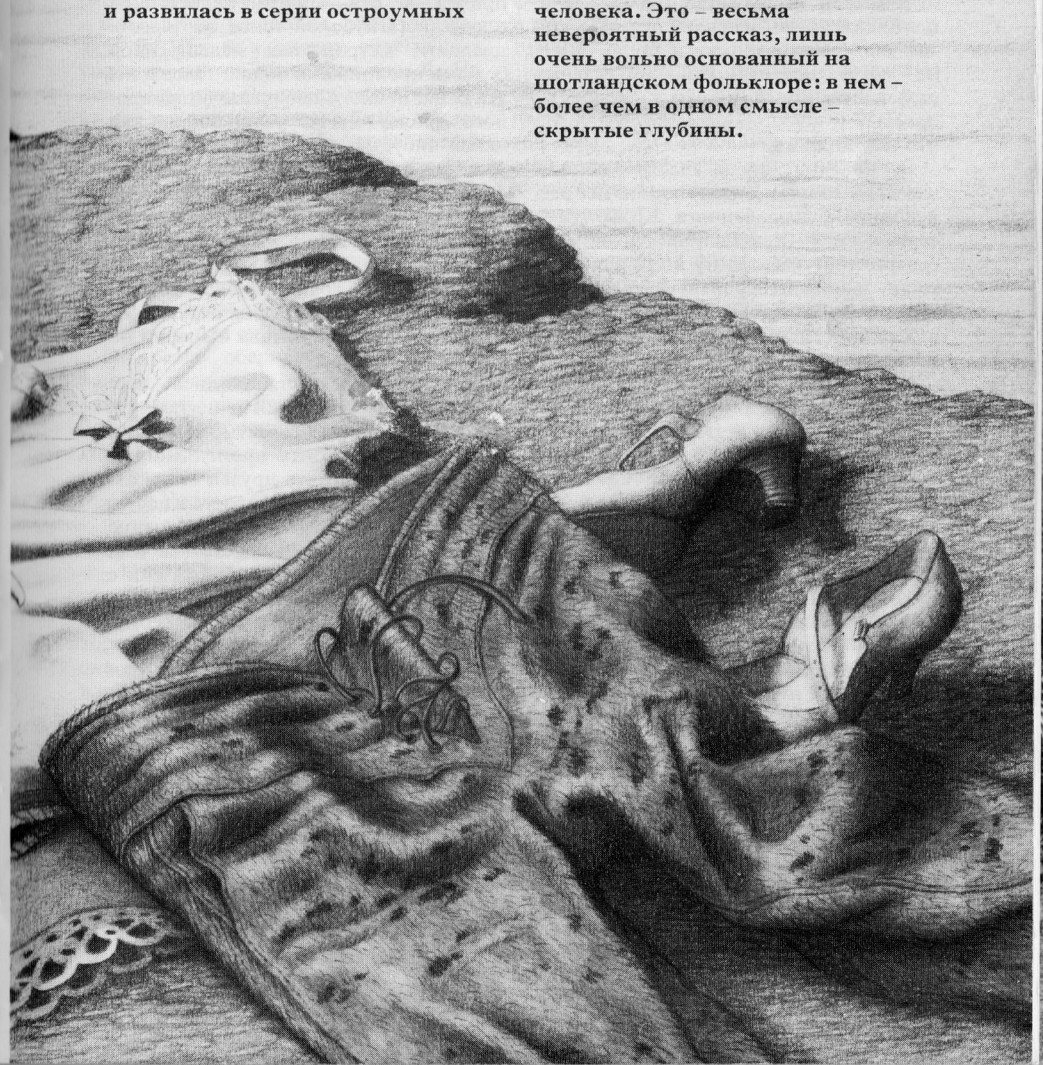
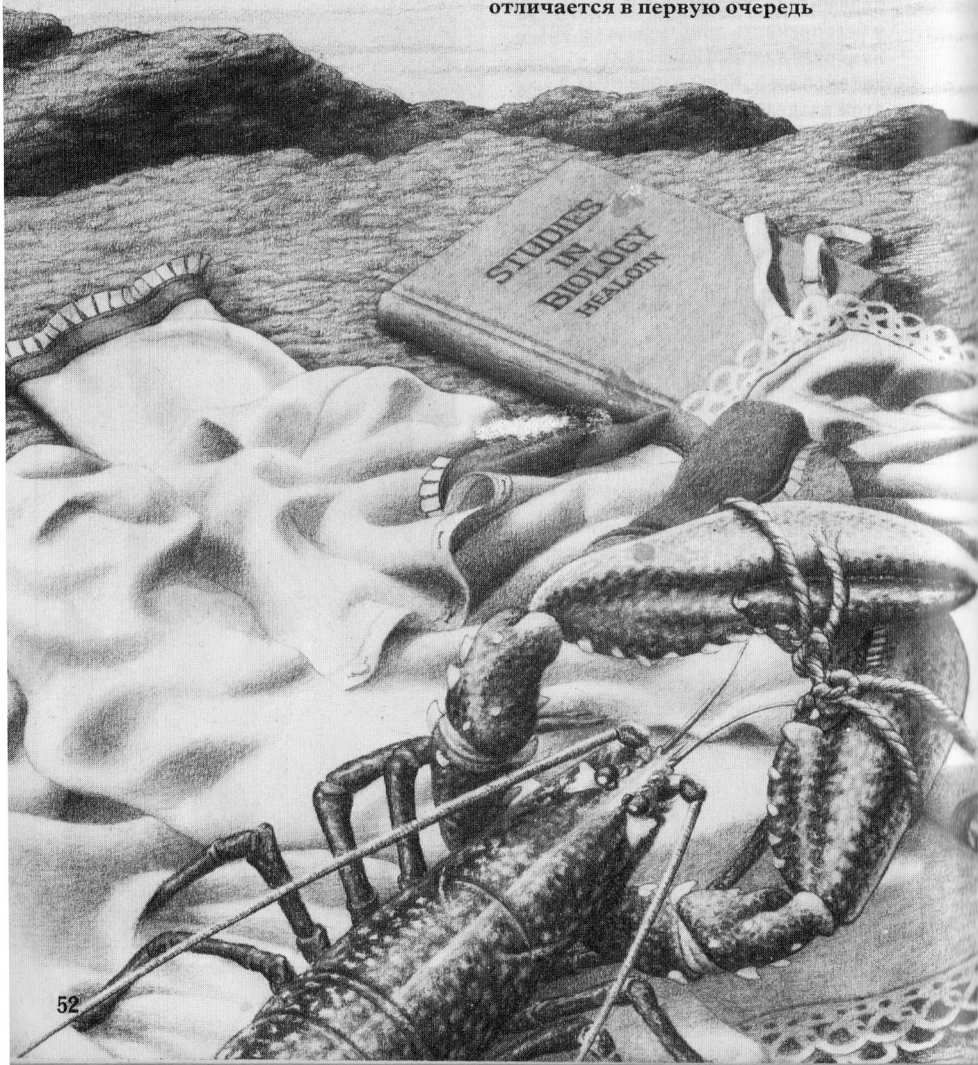
медицинском факультете абердинского университета, но потом перешел на английскую литературу. В 1927 он стал помощником профессора английской литературы в Абердине, а в 1945 был назначен ректором университета. Эту должность он занимал до 1948 года.

Раннее творчество Линклейтера отличается в первую очередь

сугубо шотландскими темами и имеет довольно серьезную полудокументальную основу – например, такие романы, как «Сага о Белом Маа» (1929), «Мужи Нэсса» (1932) или «Магнус Мерриман» (1934). Но его талант имеет и легкую сторону, проявившуюся в романе «Хуан в Америке», написанном в 1931. Этот роман был плодом двухлетнего академического стажировки в США. Именно эта, легкая сторона и вышла на первый план и развилась в серии остроумных

сатирических романов, из которых несколько были впоследствии экранизированы. В 1944 Линклейтеру была присуждена медаль Карнэги за его роман «Ветер на Луне». Появились также два тома его автобиографии: «Человек на моей спине» (1941) и «Год пространства» (1953).

Рассказ «Тюленьи штаны», написанный в 1947 году, обладает тоном лаконической фантазии, в то же время прикрывающим серьезное утверждение о состоянии человека. Это – весьма невероятный рассказ, лишь очень вольно основанный на шотландском фольклоре: в нем – более чем в одном смысле – скрыты глубины.

Я не сумасшедший. Необходимо понять это, принять как факт, не подлежащий обсуждению. Несколько недель я болел, но то были последствия шока. Двойного или, вернее, совмещенного: наряду с очевидным потрясением, вызванным жестоким событием, существовала также еще более ужасная необходимость признать материальные улики происшествия столь чудовищного и невероятного, что даже мои здешние друзья, которые вообще-то отличаются необычайной добротой и пониманием, не желают верить, что так оно действительно и было, хотя не могут ни отрицать, ни как-то разъяснить его — то есть — развеять простые и ясные доказательства того, что там осталось.

Я, конечно, очень быстро понял, что произошло; с тех пор я не раз вспоминал, как бедняга Кольридж* терзал свой беспокойный мозг — и совершенно понапрасну в его случае — точно такой же вероятностью или, по общему мнению, невероятностью. «Если бы человек мог во сне побывать в раю, — писал он, — и в залог того, что душа его действительно тут побывала, ему бы дали цветок и, проснувшись, он обнаружил бы этот цветок в своей руке — Да, что тогда?»

А что, если ему снился ад и он проснулся с рукой, обожженной его пламенем? Или хаос и на него глянуло из зеркала чужое лицо? Кольридж глубоко не вдавался в этот вопрос. Он был слишком робок. Но я принял доказательства, и за время болезни серьезно обдумал все случившееся, в деталях и последовательности деталей. Фактически я едва ли думал о чем-нибудь еще. Признаюсь, вначале я был сильно потрясен, но постепенно голова моя прояснилась и я стал лучше все понимать, и поскольку я был терпелив и настойчив — а для этого нужна дисциплина — я могу теперь сказать: я знаю, что произошло. Посредством сознательного интеллектуального усилия я

действительно увидел и услышал, что там происходило. Вот как это началось...

— Какая досада! — подумала она.

По огромным естественным ступеням приморского утеса она спустилась к выступу, по которому хотя и с трудом, но можно было добраться до защищенного сегодня от ветра западного склона, залитого послеполуденным солнцем. В начале недели она и ее жених Чарльз Селлин обнаружили проход к этой почти недоступной площадке, глубокой нише на высоте двадцати метров над испещренной белыми прожилками водой. Площадка эта была немного побольше бильярдного стола, место уединенное, как какой-нибудь заброшенный маяк. Дважды провели они здесь несколько блаженных часов. Она не боялась высоты, а Чарльз был безразличен к красоте пейзажа. В блаженстве, которым они наслаждались в этом бельведере над морем, не было ничего вульгарного, никакой физической близости; оба раза она читала «Очерки по биологии» Эалуана.

Между ними установились уже супружеские отношения и не потому, что их взаимная страсть не могла выдержать малейшего промедления, а скорее из боязни, что друзья стали бы презирать их за добродетельность, выведя на этом основании заключение о неких физических недостатках или импотенции. Однако держались они с благопристойной степенностью, и по их поведению на улице или в обществе казалось, что они женаты уже несколько лет. В уединении среди скал они не искали возможности тайных объятий, довольствуясь тем, что солнце грело и золотило их кожу, предоставляя волнам и глухому рокоту моря баюкать пылкий мозг. Сейчас, пока Чарльз писал письма в маленькой гостинице для рыболовов в полутора километра отсюда, она вновь пришла в их «бельведер» из песчаника; через часок-другой сюда придет и Чарльз. Она все еще читала «Очерки по биологии».

Но она заметила, что их бельведер

*Сэмюэль Тэйлор Кольридж (1772-1834) — один из великих английских поэтов начала XIX века.

уже занят и притом человеком, вид которого привел ее в сильное смущение. Полная противоположность Чарльзу. Он был несомненно крепкого сложения, загорелый до черноты, необычайно волосатый и к тому же совершенно голый. Сидел он на самом краю скалы, свесив ноги над морем; вдоль его позвоночника сбегала вниз щетка волос, словно темный ремень на спине осла; пучки волос на лопатках напоминали крылья. Не в состоянии от расстройств поступить благоразумно и немедленно удалиться, она задержалась на миг и к своему облегчению увидела, что он не совсем голый. На нем были начинавшиеся очень низко, но все же прикрывавшие бедра темно-коричневые брюки. Но даже и при этом, даже при таком облегчении для ее скромности, она все равно не могла остаться тут читать биологию.

Чтобы показать свою досаду, да так, чтобы он ее заметил, она негромко, раздраженно вскрикнула и, повернув назад, оглянулась, чтобы убедиться, что он слышал.

Он резко обернулся и с негодованием посмотрел на нее, мгновенно разъярясь сильнее, чем она. У него были густые брови, большие, темные глаза, широкий вздернутый нос, большой рот.

– Вы Роджер Фэрфилд! – воскликнула она в изумлении. Он встал и пристально посмотрел на нее.

– Откуда вы знаете? – спросил он.

– Потому что я вас помню, – ответила она, почувствовав затем, однако, некоторое смущение, поскольку помнила она в основном ту недолгую шумную известность, которую он приобрел на последнем курсе Эдинбургского университета, когда однажды в сырой и холодный осенний день проплыл на пари, заключенное на семь рублей, от Норт-Берика до Басс-Рока.

История эта неделю живо обсуждалась в городе, и все знали, что перед этим пари Роджер с приятелями довольно неосмотрительно порядком набрался во время ленча. Однако, когда он устремился к воде, его

приятели быстро протрезвели и, не на шутку перепугавшись, сообщили в полицию, которая выслала спасательную лодку. Но из-за сильного волнения поиски оказались безуспешны, и лишь у самого Басс-Рока на глади защищенной им бухты, они заметили его темную голову и вытащили его из воды. Приключение это, по-видимому, не причинило ему никакого вреда, но полиция обвинила Роджера в нарушении общественного порядка и оштрафовала на пару рублей – за плавание в костюме, не соответствующем инструкции.

– Мы встречались два раза, – сказала она, – один – на танцах, другой – в кафе «Мэки»: вместе пили кофе. С год назад. Мы собрались там небольшой компанией и знали того человека, с которым вы пришли. Я прекрасно вас помню.

Он еще пристальнее уставился на нее и прищурил глаза, лоб прорезала вертикальная складка.

– Я тоже немножко близорука, – сказала она с нервным смешком.

– Зрение у меня отличное, – ответил он, – но я с трудом различаю людей. Люди так похожи.

– Это одна из самых страшных грубостей, какие я слышала.

– Ну, не может быть?

– Все-таки хочется, чтоб тебя помнили. Ничего приятного услышать, что ты ничто.

Он сделал нетерпеливый жест.

– Я совсем не то имел в виду; и теперь я вас узнал. Я помню ваш голос. Он у вас особенный. И приятный. Фа-диез на октаву ниже от среднего до – вот он как звучит.

– И только так вы и можете различать людей?

– Это не хуже любого другого способа.

– Но имени моего вы не помните?

– Нет, – сказал он.

– Элизабет Барфорд.

Поклонившись, он сказал:

– Ну, нудное это было мероприятие, правда? Я имею в виду, когда мы вместе пили кофе.

– Я с вами не согласна. Мне показалось очень интересно, и все мы получили большое удовольствие. А Чарльза Селлина помните?

– Нет.

– Ну, вы совсем безнадежный человек, – воскликнула она.

– Что толку знакомиться с людьми, если потом все про них забываешь?

– Не знаю, – сказал он. – Давайте присядем, и вы мне все расскажете.

Он снова уселся на край обрыва, свесив ноги, и, глядя на нее через плечо, сказал:

– Расскажите мне, что толку знакомиться с людьми.

Она заколебалась, потом ответила:

– Мне нравится, когда у меня появляются новые друзья. Это вполне естественно, правда? Но я пришла сюда почитать.

– А вы читаете стоя?

– Разумеется, нет, – сказала она и, сев рядом, аккуратно разгладила на коленях юбку. – Какое чудесное место для отдыха. Вы бывали здесь раньше?

– Да, я хорошо его знаю.

– Мы с Чарльзом приехали неделю назад. Я про Чарльза Селлина говорю, которого вы не помните. Знаете, мы собираемся пожениться. Надеемся что-нибудь через год.

– Зачем вы сюда приехали?

– Нам хотелось покоя, а здесь на островах человек почти гарантирован от внезапных вторжений. Мы оба много работаем.

– Работаете! – насмешливо сказал он. – Не тратьте время, – тратьте жизнь.

– Большинству из нас приходится работать, нравится нам это или нет.

Он взял лежавшую у нее на коленях книгу и, раскрыв ее, лениво прочел несколько строк, перевернул с десяток страниц и, зевая, прочел еще один абзац.

– Ваши эдинбургские друзья, – сказала она, – состоятельнее наших. Мы с Чарльзом и все кого мы знаем, должны зарабатывать себе на жизнь.

– Почему? – спросил он.

– Потому, что если мы не будем работать, мы умрем с голоду, – отрезала она.

– А если вы избегнете голодной смерти – что тогда?

– Можно надеяться, – сказала она натянуто, – что мы могли бы быть в чем-то полезны миру.

– А с этим вы согласны? – спросил он, подавляя зевету, и принялся читать из книги:

«Физический фактор в зародышевой клетке не доступен нашему анализу или исчислению, но можем ли мы отрицать наличие индивидуальности в побуждениях зародыша? Пожалуй, легче предположить, что разум появляется на поздней стадии развития, но это предположение не должно выводиться на том основании, что мы можем наверняка отрицать у клетки наличие самовыражения. Общеизвестно, что разум может оказывать на тело как огромное, так и малое, осуществляемое невидимыми путями воздействие; но каким образом оно осуществляется мы не знаем. Психобиология находится пока в зачаточном состоянии».

– Правда, безумно интересно? – сказала она.

– И как же вы собираетесь, – спросил он, – стать полезны миру?

– Ну, мир нуждается в образованных людях – в людях, которых научили мыслить, и человек надеется, что каким-то образом он сможет оказать хоть небольшое воздействие.

– А небольшого воздействия достаточно? Вам не кажется, что в чем нуждается мир это в создании нового типа разума? Он нуждается в том, чтобы в зародышевом развитии получить новое направление или, вероятно, несколько направлений. Но психобиология находится пока в зачаточном состоянии, и, как осуществляются подобные трансформации, вы не знаете, так ведь? И не можете предсказать, когда узнаете, так?

– Нет, конечно, нет. Но наука развивается так быстро...

– Через пятьдесят тысяч лет, – пере-

бил он. — Как думаете, к тому времени вы будете знать?

— Трудно сказать, — ответила она серьезно и как раз собиралась с мыслями, тщательно обдумывая ответ, когда он опять — грубо, подумала она, и совершенно неуместно — перебил ее. Ни она сама, ни книга больше не занимали его: его вниманием завладело море; он смотрел вниз так, будто чего-то искал.

— Умеете плавать? — спросил он.

— Довольно не дурно, — сказала она.

— Я купался как раз перед самым приливом — все водоросли были зачесаны не в ту сторону. Море никогда не наскучит, правда?

— Я никогда не могу на него наглядеться, — сказала она. — Я хотела бы жить на острове, на маленьком острове, чтоб слышать его со всех сторон.

— Очень разумно с вашей стороны, — сказал он потеплевшим голосом. — Необычайно разумно для такой девушки, как вы.

— А какая я, по-вашему? — спросила она с раздражением в голосе, но, не обратив на это внимания, он протянул свою коричневую руку в сторону горизонта:

— За последние несколько минут море потемнело. На горизонте оно было совсем светлое, а теперь там протянулась полоска цвета индиго. И рисунок волн изменился. Я имею в виду расположение пены на воде. Поглядите туда! Там под водой скала, и через полчаса после начала отлива там всегда видно, особенно если ветер с берега, два небольших водоворота, а вокруг них — белое кольцо. Видите, какая получилась фигура? Что-то вроде этого, правда?

Обломком камня он нарисовал на скале схему.

— Знаете, что это такое? — спросил он. — Китайцы называют эту фигуру «тай-чи». Они говорят, что она означает начало всего сущего. Эта фигура — собственноручная подпись моря.

— Но пена может образовывать самые разнообразные фигуры, — возразила она.

— О, да. Так оно и есть! Но их не часто удается прочесть. Вот он! — воскликнул он, подавшись вперед и пронзая взглядом плескающуюся внизу, в двадцати метрах воду. — Вот он, злодей!

С силой упершись руками в камень и оттолкнувшись пятками от склона, он прямо из сидячего положения бросился со скалы и, распрямившись в воздухе, вошел в тихую зеленую воду, подняв не больше брызг, чем мог бы поднять гарпун. Сидевший на каком-то нижнем уступе, греясь на солнышке, одинокий чистик вспорхнул и стремглав полетел к морю. В воздух поднялось с полдюжины испугнутых внезапным движением белых птиц, оглашая его криками:

— Киттиуэйк! Киттиуэйк!

Элизабет громко вскрикнула, с неуклюжей поспешностью вскочила на ноги, потом опять опустилась на колени на самом краю скалы и посмотрела вниз. В медленно колыхавшейся прозрачной воде она разглядела бледное тело пловца, то исполосованное темными лентами водорослей, кустившихся у плоского подножья скалы, то исчезающее в мрачных глубинах, где прятались их корни. Через минуту-другую над водой показалась его голова, он встряхнул ею — с волос полетели блестящие брызги — и поднял к ней смеющееся лицо. Плывая, он крепко сжимал в правой руке иссиня-черного омара, высоко подняв его, чтобы и она могла им полюбоваться. Потом он бросил его на плоский камень неподалеку от себя и, быстро выбравшись из воды, снова поймал его и держал, остерегаясь укуса, до тех пор, пока не отыскал в кармане брюк кусок бечевки.

— Я свяжу ему клешни, и вы сможете отнести его домой на ужин, — крикнул он ей.

Ей казалось, что подняться по отвесному склону скалы невозможно, но он поднялся от самого подножья, цепляясь руками и ногами за невидимые сверху выступы, и, бросив связанного омара на землю, проворно

перемахнул через край.

– Вы в жизни такого громадного не видели, – похвалялся он. – Уверен, что весит шесть-семь килограммов. По меньшей мере шесть. Погляньте на его правую клешню! Он мог бы расколоть ею кокосовый орех. Час назад, когда я плавал, он пытался перекусить мне щиколотку; только тогда я не успел его схватить – он спрятался в свою нору. Но теперь-то я его поймал, злодея. За плечами этого черного существа больше двадцати лет преступлений. По виду ему можно дать года двадцать четыре – двадцать пять. Да он старше вас, понимаете? Если только вы не сильно старше, чем выглядите? Сколько вам лет?

Но омар несколько не прельщал Элизабет. Она попятилась, отступая до тех пор, пока не оказалась приперта спиной к стене. Она стояла, тесно прижавшись к склону, шаря по камню ладонями, словно в поисках потайного замка или запора, который впустил бы ее внутрь. Лицо у нее стало белое, бледные губы дрожали.

Когда она не ответила, он обернулся и спросил, в чем дело.

Голос ее звучал слабо и испуганно.

– Вы кто? – прошептала она, и ее шепот сменился невнятным заиканием. – Что вы такое?

Выражение у него изменилось, и его покрытое каплями лицо стало жестким, как просвечивающий сквозь воду камень.

– Всего несколько минут назад, – сказал он, – вы как будто прекрасно знали, кто я такой. Еще называли меня Роджером Фэрфилдом, не так ли?

– Но имя еще не все. Оно мало что говорит..

– А что вы еще хотите знать?

Ее голос звучал так высоко и натужно, что слова, которые она произносила, казались тенями слов и звучали так, словно продрогли от холода.

– Так прыгнуть в море – это не по-человечески!

Его холодное лицо исказила хмурая

гримаса.

– Странные вещи вы говорите.

– Вы бы убились, если б...если б...

Он снова сделал шаг в сторону моря, посмотрел вниз, в спокойную глубину и сказал:

– Вы преувеличиваете. Здесь не больше пятнадцати, ну, может, двадцати метров – и к тому же здесь глубоко. Да идите сюда, назад. Чего вы убегаете?

– Пропустите меня! – закричала она. – Я не желаю здесь оставаться. Я...я боюсь.

– Прискорбно. Никак не ожидал такого оборота.

– Пожалуйста, пропустите меня!

– Не думаю, чтобы я согласился. Во всяком случае пока вы мне не скажете, чего вы испугались.

– Почему, – пролепетала она, – почему вы носите меховые штаны?

Он рассмеялся и, не переставая смеяться, обхватил ее за талию и потянул к краю скалы.

– Не беспокойтесь, – сказал он. – Я не собираюсь бросать вас вниз. Но если вам так уж хочется поговорить о штанах, мне кажется, нам следует сесть. Посмотрите, какая гладкая вода, какой цвет, как играет свет в глубине: видели вы когда-нибудь что-нибудь прекраснее? Посмотрите на небо: оно спокойно, не правда ли? Посмотрите на ту парящую птицу, – ее ничто не тревожит, так чего вам беспокоиться?

Она отпрянула, всем весом налегая на обвивавшую ее талию руку: но рука была сильная, он как будто и не почувствовал никакого давления. Не обращал он внимания и на ее отчаяние – она рыдала без слез, как слишком долго проплакавший ребенок, – продолжая говорить в том же легком и приятном тоне непринужденной беседы, пока уставшие мышцы ее тела не расслабились и она не опустилась в пределах очерченного его рукою пространства, больше не порываясь спастись бегством, но со страхом ощущая на своем теле, прямо под грудью близость его руки.

– Нет нужды разъяснять вам, – гово-

рил он, традиционные причины ношения брюк. Есть люди, которые, я знаю, презирают всякие условности, и некоторые из них действительно заслуживают презрения. Но не традиция ношения брюк. Нет, ни в коем случае. Так что мы можем признать необходимость этого предмета и перейти к рассмотрению вопроса о материале! Ну, во-первых, я люблю сидеть на камнях, и для такого хобби это лучший материал на свете: носится долго и вместе с тем мягкий и удобный. Я могу просидеть в воде полчаса, и им ничего не будет, а когда я выбираюсь на берег погреться на солнышке, они не кажутся мне холодными или липкими. Они не выгорают на солнце и не садятся от влаги. О, да есть масса причин, чтобы сделать брюки из такого материала.

– И есть причина, – сказала она, – которой вы не назвали.

– Вы абсолютно в этом уверены?

К этому времени она уже успокоилась: у нее выровнялось дыхание, но лицо все еще было белое и губы слегка подрагивали, когда она спросила:

– Вы хотите меня убить?

– Убить вас! Боже милостивый, нет! С чего я стану это делать?

– Из страха, что я расскажу другим.

– А что, собственно, вы можете рассказать?

– Вы знаете.

– Вы слишком спешите с выводами – вот в чем ваша беда. Что ж, мне вас жаль, а за себя досадно. Ну, раз так, не дам я вам, пожалуй, омара на ужин. Да и по правде говоря не думаю, чтобы вы пошли домой ужинать.

Ее глаза вновь потемнели от страха. Она открыла рот, но не успела произнести ни звука, как он притянул ее к себе и, не спрашивая позволения, запечатал его грубым, нахрапистым поцелуем.

– Это, чтобы предупредить ваш крик. Ненавижу, когда кричат, сказал он с улыбкой. – А вот это, – он снова поцеловал ее, на этот раз нежно, и теперь объятия их длились дольше, –

это потому, что мне так хотелось.

– Вы не должны этого делать! – воскликнула она.

– Но я уже, – сказал он.

– Я сама себя не понимаю! Не могу понять, что произошло . . .

– Да пока ничего особенного, – прошептал он.

– Случилось что-то ужасное!

– Поцелуй! Неужели я вам так противен?

– Я не об этом. Я говорю про то, что во мне, внутри. Я не... я больше не боюсь...по крайней мере мне так кажется.

– Да вам нет причины бояться.

– Причин у меня сверх головы. Но вот не боюсь! Не боюсь – только мне почему-то хочется плакать.

– Ну, и поплачьте, – сказал он ласково, подставляя ей под щеку свою грудь, как подушку. – Но плакать с этой дурацкой штукой на носу неудобно.

И он снял с нее очки в роговой оправе и швырнул их в море.

– О! – воскликнула она. – Мои очки! Ну зачем вы это сделали? Теперь я ничего не вижу! Я совсем ничего не вижу без очков.

– Все в порядке, – утешал он ее. – Они вам больше не понадобятся, правда. Там, – добавил он неопределенно, – совсем другая рефракция.

Словно от этого ничтожного, но неожиданного акта насилия ее желание разразиться слезами достигло своего апогея, они так и брызнули у нее из глаз; в каком-то сладостном отчаянии она обвила его руками и, тесно прижавшись к нему, бурно рыдала, пока он не почувствовал, как скользят по его телу теплые капли, и морская соль с его кожи не попала ей в глаза, отчего она расплакалась пуще прежнего. Сильной, но ласковой рукой он гладил ее волосы и, когда она успокоилась и после этого взрыва эмоций тихо лежала в его объятиях, он негромко запел песню с прелестным мотивом, которая начиналась так:

Я человек, я сын земли,

Тюлень я средь морских валов,

От берегов родных вдали
На Сул-Скерри* найду я кров.

Когда он спел куплет или два, она высвободилась из его объятий и, выпрямившись, с серьезным видом слушала песню. Потом спросила:

– Я когда-нибудь пойму?

– Это не единственный случай, – ответил он. – Как вам, я полагаю, известно, это случалось раньше довольно часто. На Корнуолле, в Бретани, на Гебридских островах, у берегов Шотландии, люди там всегда интересовались тюленями и немножко их понимали – и время от времени тюлени принимали там человеческий облик. Единственное, что уникально в нашем случае, в моем превращении, это то, что я единственный, кто получил степень магистра в Эдинбургском университете. Или, я думаю, в любом университете. Я уникальный и исключительный пример образованного человека-тюленя.

– У меня, наверное, совершенно ужасный вид, – сказала она. Глупо было плакать. Очень красные у меня глаза?

– Веки немножко покраснели – не то, чтобы это было лишено привлекательности – но глаза, ваши глаза так же темны и очаровательны как горные озера в октябре, в солнечный октябрьский день. Они заметно похорошели с тех пор, как я выбросил ваши очки.

– Вы же знаете, они мне были нужны. Я чувствую себя без них как последняя дура. Но скажите, зачем вы поступили в университет – и как? Как вам это удалось?

– Милая моя девочка, – а, кстати, как вас звать? У меня совершенно вылетело.

– Элизабет! – сказала она с негодованием.

– Очень рад – это мое любимое из человеческих имен. Но неужели вам действительно хочется слушать лекцию по психобиологии?

– Я хочу знать, как. Вы должны мне сказать.

– Так вот, вы, наверное, помните, что говорится в вашей книге про побуждения зародыша? Там надо было сделать сноску и объяснить, что исчезают они лишь на сравнительно поздней стадии развития. Как вам известно, зародышевые клетки постоянно самообновляются, сохраняя свои первичные побуждения, хотя почти всегда, за редким исключением, следуют заданной схеме. Исключение составляют некоторые заболевания или специально направленное воздействие. А именно воздействие разума.

Extract for readers of English

‘I must look a perfect fright,’ she said. ‘It was silly of me to cry. Are my eyes very red?’

‘The lids are a little pink – not unattractively so – but your eyes are as dark and lovely as a mountain pool in October, on a sunny day in October. They’re much improved since I threw your spectacles away.’

‘I needed them, you know. I feel quite stupid without them. But tell me why you came to the University – and how? How could you do it?’

‘My dear girl – what is your name, by the way? I’ve quite forgotten.’

‘Elizabeth!’ she said angrily.

‘I’m so glad, it’s my favourite human name. – But you don’t really want to listen to a lecture on psychobiology?’

‘I want to know *how*. You must tell me!’

‘Well, you remember, don’t you, what your book says about the primordial initiatives? But it needs a footnote there to explain that they’re not exhausted till quite late in life. The germ-cells, as you know, are always renewing themselves, and they keep their initiatives though they nearly always follow the chosen pattern except in the case of certain illnesses, or under special direction. The direction of the mind, that is. And the glands have

*Остров, расположенный к западу от Оркнейских островов.

И при полном превращении железам приходится изрядно поработать, сначала почечным, затем, как и следовало ожидать, гипофизарному. Оно не одобряется – то есть, превращение – но время от времени кто-нибудь все-таки решается, обычно просто ради забавы, но в данном случае у меня была особая причина.

– Расскажите, – вновь попросила она.

– Да это долгая история.

– Я хочу знать.

– Видите ли, в последние годы среди моих сородичей стало заметно беспокойство: сомнение, недовольство вожаками, скепсис в отношении традиционных истин. Например, у нас под водой много спорили о природе человека. Нам всегда внушали про него определенные вещи, но события последнего времени как будто не подтверждали того, что внушали нам наши учителя. Часть нашей молодежи охватило разочарование, вот я и вызвался выйти на сушу, чтобы изучить положение. Я все еще обдумываю свой предстоящий доклад. Поэтому я и живу сейчас двойной жизнью. Выхожу на берег, чтобы подумать, а отдыхать возвращаюсь в море.

– И что же вы о нас думаете?

– Вы интересные существа. Даже очень. В скором времени у вас появятся прелюбопытные мутации. Так в пределах трех-четырёх тысячелетий, может быть.

Он наклонился и смахнул с голени небольшое пятнышко крови.

– Порезался ракушкой, – сказал он.

– Знаете, эти моллюски сейчас точно такие же, как четыреста тысяч лет назад. Людям подобное постоянство не свойственно.

– Это и есть ваш главный вывод – что люди непостоянны?

– Отчасти. Но, с нашей точки зрения, есть вещи куда тревожнее. Видите ли, мы существа очень простые, и поскольку у нас довольно мало истин, мы очень дорожим ими. Наша жизнь – это жизнь ощущением, не полностью, но, главным образом, и мы

got a lot to do in a full metamorphosis, the renal first and then the pituitary, as you would expect. It isn't approved of – making the change, I mean – but every now and then one of us does it, just for a frolic in the general way, but in my case there was a special reason.'

'Tell me,' she said again.

'It's too long a story.'

'I want to know.'

'There's been a good deal of unrest, you see, among my people in the last few years: doubt, and dissatisfaction with our leaders, and scepticism about traditional beliefs – all that sort of thing. We've had a lot of discussion under the surface of the sea about the nature of man, for instance. We had always been taught to believe certain things about him, and recent events didn't seem to bear out what our teachers told us. Some of our younger people got dissatisfied, so I volunteered to go ashore and investigate. I'm still considering the report I shall have to make, and that's why I'm living, at present, a double life. I come ashore to think, and go back to the sea to rest.'

'And what do you think of us?' she asked.

'You're interesting. Very interesting indeed. There are going to be some curious mutations among you before long. Within three or four thousand years, perhaps.'

He stooped and rubbed a little smear of blood from his shin.

'I scratched it on a limpet,' he said. 'The limpets, you know, are the same today as they were four hundred thousand years ago. But human beings aren't nearly so stable.'

'Is that your main impression, that humanity's unstable?'

'That's part of it. But from our point of view there's something much more upsetting. Our people, you see, are quite simple creatures, and because we have relatively few beliefs, we're very much attached to them. Our life is a life of sensation – not entirely, but largely – and we ought to be extremely happy. We were, so long

должны бы быть необычайно счастливы. И были — до тех пор, пока удовлетворялись своими ощущениями и нашей куцей, безоговорочной верой. У нас есть, знаете ли, некоторые преимущества перед людьми. Люди вынуждены повсюду таскать за собой свой вес; им не ведомо, какое это блаженство — не чувствовать собственного веса: качаться на волнах, скользить по лениво-плещущему морю, без всякого усилия взмывать на гребне волны, смотреть на ослепительно-яркое солнце сквозь белую толщу воды или с такой легкостью нырнуть в тишину глубин и, почувствовав внезапный голод, поймать пикшу в зарослях морских трав. Кстати о пикше, — сказал он, — вечерет. Еще немного и пора отправляться на рыбную ловлю. А перед тем, как пойти, мне еще нужно вас проинструктировать. Подготовительная стадия требует некоторого времени; я бы сказал, вам потребуется минут пять, потом вы станете другим существом.

Она захлебнулась воздухом, словно уже ощутила холодное прикосновение воды, и прошептала:

— Нет, еще нет! Пожалуйста.

Он обнял ее и со знанием дела сильной, ласковой рукой стал гладить ее волосы, ощущая округлость ее головы, погладил ее затылок и плечи, чувствуя, как отзываются на его прикосновение ее мускулы, спустился по желобку на ее спине к талии и бедрам. И снова голова, шея, плечи, позвоночник. И снова, и снова. Уверенно и твердо его рука вселяла в нее покой, пока в конце концов она не прошептала:

— Вы усыпляете меня.

— Боже мой! — воскликнул он. — Нельзя! Встаньте, Элизабет, встаньте!

— Да, — покорно промолвила она. — Да, Роджер. Почему вы взяли себе это имя? Роджер Фэрфилд?

— Я увидел его в расчетной книжке утонувшего матроса. Но какое это сейчас имеет значение? Посмотрите на меня, Элизабет!

Она взглянула на него и улыбнулась.

as we were satisfied with sensation and a short undisputed creed. We have some advantages over human beings, you know. Human beings have to carry their own weight about, and they don't know how blissful it is to be unconscious of weight: to be wave-borne, to float on the idle sea, to leap without effort in a curving wave, and look up at the dazzle of the sky through a smother of white water, or dive so easily to the calmness far below and take a haddock from the weed-beds in a sudden rush of appetite. — Talking of haddocks,' he said, 'it's getting late. It's nearly time for fish. And I must give you some instruction before we go. The preliminary phase takes a little while, about five minutes for you, I should think, and then you'll be another creature.'

She gasped, as though already she felt the water's chill, and whispered, 'Not yet! Not yet, please.'

He took her in his arms, and expertly, with a strong caressing hand, stroked her hair, stroked the roundness of her head and the back of her neck and her shoulders, feeling her muscles moving to his touch, and down the hollow of her back to her waist and hips. The head again, neck, shoulders, and spine. Again and again. Strongly and firmly his hand gave her calmness, and presently she whispered, 'You're sending me to sleep.'

'My God!' he exclaimed, 'you mustn't do that! Stand up, stand up, Elizabeth!'

'Yes,' she said, obeying him. 'Yes Roger. Why did you call yourself Roger? Roger Fairfield?'

'I found the name in a drowned sailor's pay-book. What does that matter now? Look at me, Elizabeth!'

She looked at him, and smiled.

Голос у него изменился и он радостно произнес:

– Вы будете красивей всех тюленей от Шетландских островов до островов Силли. А теперь слушайте, слушайте внимательно.

Он легонько обнял ее и зашептал ей на ухо. Потом поцеловал в губы и в щеку и, отклонив ее голову назад, в шею. Посмотрел на нее и увидел, как лицо ее заливает густая краска.

– Хорошо, – сказал он. – Это первая стадия. Теперь адреналин идет хорошо. Вы ведь знаете про гипофиз, не так ли? Ну, тогда совсем легко. Гипофиз состоит из двух частей, из передних и задних долей, обе они должны действовать одновременно. Это не трудно, я вам объясню, как.

Он снова – и очень настойчиво – принялся шептать, внимательно наблюдая за ней. Немного погодя он сказал:

– А теперь можете немножко отдохнуть. Давайте сядем и подождем, пока вы будете готовы. Само превращение произойдет только после погружения.

– Но на меня уже действует, – сказала она спокойно и радостно. – Я чувствую, как действует.

– Конечно, действует.

Она торжественно засмеялась и взяла его руку.

– Нужно подождать минут пять, – сказал он.

– Как это будет? Что я буду чувствовать, Роджер?

– Как скользит вдоль тела вода, как море ласкает и держит тебя.

– Я буду жалеть о том, что покину?

– Нет, не думаю.

– Значит, мы вам не понравились? Скажите мне, что вы открыли в нашем мире?

– Просто, – сказал он, – что нас обманули.

– Но я не знаю, что вы считали прежде.

– Разве я не говорил? Ну, по своей невинности мы уважали вас за то, что вы можете работать и хотите работать. Нам это казалось настоящим героизмом. Мы, знаете ли, совсем не рабо-

His voice changed, and he said happily, 'You'll be the prettiest seal between Shetland and the Scillies. Now listen. Listen carefully.'

He held her lightly and whispered in her ear. Then kissed her on the lips and cheek, and bending her head back, on the throat. He looked, and saw the colour come deeply into her face.

'Good,' he said. 'That's the first stage. The adrenalin's flowing nicely now. You know about the pituitary, don't you? That makes it easy then. There are two parts in the pituitary gland, the anterior and posterior lobes, and both must act together. It's not difficult, and I'll tell you how.'

Then he whispered again, most urgently, and watched her closely. In a little while he said, 'And now you can take it easy. Let's sit down and wait till you're ready. The actual change won't come till we go down.'

'But it's working,' she said, quietly and happily. 'I can feel it working.'

'Of course it is.'

She laughed triumphantly, and took his hand.

'We've got nearly five minutes to wait,' he said.

'What will it be like? What shall I feel, Roger?'

'The water moving against your side, the sea caressing you and holding you.'

'Shall I be sorry for what I've left behind?'

'No, I don't think so.'

'You didn't like us, then? Tell me what you discovered in the world.'

'Quite simply,' he said, 'that we have been deceived.'

'But I don't know what your belief had been.'

'Haven't I told you? – Well, we in our innocence respected you because you could work, and were willing to work. That seemed to us truly heroic. We don't

таем; с нами вы будете гораздо счастливее. Хотя живем мы в воде, мы не боремся за то, чтоб удержаться на поверхности.

— Все мои друзья много работают, — проговорила она. — Среди моих знакомых не было ни одного бездельника. Нам приходится работать, и большинство из нас трудилось ради достойной цели — или так нам казалось. Но вы ведь так не считали?

— Наши учителя говорили нам, — сказал он, — что люди выносят тяжесть человеческого труда ради того, чтоб создать излишек богатства, которое освободило бы их от необходимости добывать хлеб насущный. А добытый с таким трудом досуг, говорили наши учителя, посвящают мудрости, милосердию и искусству; и постижению бога. Но ведь это неправильное представление о мире, правда?

— Да, — сказала она, — неправильное.

— Да, — повторил он, — наши учителя заблуждались; нас обманули.

— Людей всегда обманывают, но они привыкают к тому, что слишком поздно узнают истинные факты. Привыкают к самому обману.

— Наверно, вы храбрее нас. Выслушивать истину будет нашим не по нраву.

— Я буду с вами, — сказала она и взяла его за руку, но он по-прежнему угрюмо смотрел на расстилавшееся внизу море.

Прошло несколько минут; наконец она встала и проворными пальцами сбросила одежду.

— Пора, — сказала она.

Он посмотрел на нее, и вся мрачность мгновенно исчезла с его лица, словно тень гонимого ветром облака, сменившись ликованием, разлившимся подобно солнечному свету из-за пылающего края облака.

— Мне хотелось наказать их, — воскликнул он, — за то, что они отняли у меня веру, и, ей богу, теперь я назначаю им тяжелое наказание. Сейчас похищу у них сокровище, величайшую драгоценность из их хранилищ! Я и не подозревал, до чего вы прекрасны!

work at all, you see, and you'll be much happier when you come to us. We who live in the sea don't struggle to keep our heads above water.'

'All my friends worked hard,' she said. 'I never knew anyone who was idle. We had to work, and most of us worked for a good purpose; or so we thought. But you didn't think so?'

'Our teachers had told us,' he said, 'that men endured the burden of human toil to create a surplus of wealth that would give them leisure from the daily task of bread-winning. And in their hard-won leisure, our teachers said, men cultivated wisdom and charity and the fine arts; and became aware of God. — But that's not a true description of the world, is it?'

'No,' she said, 'that's not the truth.'

'No,' he repeated, 'our teachers were wrong, and we've been deceived.'

'Men are always being deceived, but they get accustomed to learning the facts too late. They grow accustomed to deceit itself.'

'You are braver than we, perhaps. My people will not like to be told the truth.'

'I shall be with you,' she said, and took his hand. But still he stared gloomily at the moving sea.

The minutes passed, and presently she stood up and with quick fingers put off her clothes. 'It's time,' she said.

He looked at her, and his gloom vanished like the shadow of a cloud that the wind has hurried on, and exultation followed like sunlight spilling from the burning edge of a cloud. 'I wanted to punish them,' he cried, 'for robbing me of my faith, and now, by God, I'm punishing them hard. I'm robbing their treasury now, the inner vault of all their treasury! — I hadn't guessed you were so beautiful! The waves when you

Когда вы будете плавать, волны озарятся вашим сиянием, песок будет отливать серебром, когда вы приляжете отдохнуть, а если вы обучите бурые водоросли так же прелестно краснеть, я не стану жалеть о розах этого мира.

– Поспешим, – сказала она.

С тихим смехом распустил он кожаные шнуры, поддерживавшие его брюки, переступил через них и, подхватив ее на руки, поднял.

– Готовы? – спросил он.

Она обвила его шею руками и нежно поцеловала его в щеку. Затем с громким криком он спрыгнул со скалы, с этой маленькой веранды, в зеленую, шелковую гладь, расстилавшуюся далеко внизу ...

Я слышал всплеск, когда они входили в воду – я абсолютно уверен, что слышал этот всплеск – я как раз обогнул скалу по уступу, ведущему к маленькой каменной веранде, нашему бельведеру, как мы его называли, но первое, что я заметил, что действительно привлекло мое внимание, был громадный иссиня-черный омар с перевязанными бечевкой клешнями, который довольно смешно карабкался к краю обрыва. Думаю, он свалился перед самым моим уходом, хотя поручиться не могу. Потом я увидел ее книгу «Очерки по биологии», и одежду.

Все там было: и ее белое полотняное платье с коричневым воротником и коричневым поясом, и туфли, и другие вещи. А рядом с ними, поперек ее туфель, лежали тюленьи штаны.

Я моментально – почти моментально – понял, что произошло. Или это мне сейчас так кажется. Так вот, если, как я твердо убежден, мое прозрение было мгновенным, тогда интуиция явно имеет гораздо большее значение, чем я предполагал. Разумеется, как я уже говорил, я много думал о случившемся во время моей недавней болезни, но впечатление у меня осталось прежнее: я постиг, что произошло, в мгновение ока, если воспользоваться избитым, но красноречивым выражением. И

swim will catch a burnish from you, the sand will shine like silver when you lie down to sleep, and if you can teach the red seaweed to blush so well, I shan't miss the roses of your world.'

'Hurry,' she said.

He, laughing softly, loosened the leather thong that tied his trousers, stepped out of them, and lifted her in his arms. 'Are you ready?' he asked.

She put her arms round his neck and softly kissed his cheek. Then with a great shout he leapt from the rock, from the little veranda, into the green silk calm of the water far below ...

I heard the splash of their descent – I am quite sure I heard the splash – as I came round the corner of the cliff, by the ledge that leads to the little rock veranda, our gazebo, as we called it, but the first thing I noticed, that really attracted my attention, was an enormous blue-black lobster, its huge claws tied with string, that was moving in a rather ludicrous fashion towards the edge. I think it fell over just before I left, but I wouldn't swear to that. Then I saw her book, the *Studies in Biology*, and her clothes.

Her white linen frock with the brown collar and the brown belt, some other garments, and her shoes were all there. And beside them, lying across her shoes, was a pair of sealskin trousers.

I realised immediately, or almost immediately, what had happened. Or so it seems to me now. And if, as I firmly believe, my apprehension was instantaneous, the faculty of intuition is clearly more important than I had previously supposed. I have, of course, as I said before, given the matter a great deal of thought during my recent illness, but the impression remains that I understood what had happened in a flash, to use a common but illuminating phrase. And

никто – нужно ли повторять? – никто не смог развеять этого впечатления. Т.е., никто не нашел другого удовлетворительного объяснения для присутствия тюленьих штанов рядом с полотняным платьем Элизабет.

Я помню также чисто физическое ощущение отчаяния от этого открытия. Мне кажется, в течение нескольких минут дыхание врывалось в мои легкие и вырывалось оттуда подобно знойному ветру во время пыльной бури в пустыне. Оно иссушало мне рот, у меня саднило в горле. Я помню, что дышать было пыткой. Но что поделать – приходилось.

Несмотря на все эти страдания, я не потерял над собой контроля, ни душевного, ни физического. Я не потерял контроля до тех пор, пока они не стали надо мной смеяться. Да, уверяю вас, они стали смеяться. Я совершенно отчетливо слышал его голос и должен по совести признать, что это был необычайно сладкий голос, а мелодия – мелодия была самая прилипчивая из всех, какие я только слышал. Они находились метрах в сорок от берега, эта пара тюленей, и вечерний свет был так прозрачен и плотен, что его голос мог вполне быть вызван звоном вечерних красок под ударами невидимого смычка. Он распевал песню, которую мы с Элизабет обнаружили в альбоме шотландской музыки в маленькой гостинице для рыболовов, где мы остановились.

Я человек, я сын земли,
Тюлень я среди морских валов,
От берегов родных вдали
На Сул-Скерри найду я кров.

Это он, знаете, специально, в насмешку. Они были счастливы, соединившись в бесконечной простоте океана. А я остался один на один с ужасом жизни, жизни среди людей; я растерялся; меня охватил страх. Тогда я закричал. Я слышал свой собственный крик. Это было совершенно ужасно, но остановиться я не мог. Я должен был кричать, не переставая. . .

no one, need I say? has been able to refute my intuition. No one, that is, has found an alternative explanation for the presence, beside Elizabeth's linen frock, of a pair of sealskin trousers.

I remember also my physical distress at the discovery. My breath, for several minutes I think, came into and went out of my lungs like the hot wind of a dust-storm in the desert. It parched my mouth and grated in my throat. It was, I recall, quite a torment to breathe. But I had to, of course.

Nor did I lose control of myself in spite of the agony, both mental and physical, that I was suffering. I didn't lose control till they began to mock me. Yes, they did, I assure you of that. I heard his voice quite clearly, and honesty compels me to admit that it was singularly sweet and the tune was the most haunting I have ever heard. They were about forty yards away, two seals swimming together, and the evening light was so clear and taut that his voice might have been the vibration of an invisible bow across its coloured bands. He was singing the song that Elizabeth and I had discovered in an album of Scottish music in the little fishing-hotel where we had been living:

'I am a Man upon the land,
I am a Selkie in the sea,
And when I'm far from any strand
I am at home on Sule Skerry!'

But his purpose, you see, was mockery. They were happy, together in the vast simplicity of the ocean, and I, abandoned to the terror of life, alone, life among human beings, was lost and full of panic. It was then I began to scream. I could hear myself screaming, it was quite horrible. But I couldn't stop. I had to go on screaming ...

